

Военнопленные армии Наполеона в Казанской губернии в 1812–1814 гг.

Основными источниками при написании данной работы стали материалы ряда центральных (ГАРФ, РГИА) и региональных (Республики Татарстан, Нижегородской и Оренбургской областей) архивов. Они содержат в себе информацию о пребывании пленных в Казанской губернии, в частности, распоряжения главнокомандующего в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинова, отношения губернаторов, рапорты российских чиновников, связанных с пленными по долгу службы. Вместе с тем следует отметить, что этих материалов недостаточно для получения объективной картины по интересующему нас вопросу, поэтому для работы были привлечены и другие источники. Например, некоторые количественные показатели извлечены из губернской газеты «Казанские известия».

Интересный материал о пребывании в России пленных предоставляют мемуары самих пленных, которые, при критическом подходе, могут существенно дополнить официальные сведения. Нами обнаружены пять воспоминаний, в которых упоминается Казанская губерния. Три офицера проходили через нее: капитан 125-го линейного полка голландец Карл Вагевир (в сентябре 1813 г. и июле 1814 г.), су-лейтенант 36-го линейного полка француз Онорэ Белэ (в ноябре 1813 г. и сентябре 1814 г.) и капитан французского 2-го конно-егерского полка Пьер Ноказ (в октябре 1814 г.). Французский хирург Дезире Фюзейе, проживал в губернии с ноября 1813 г. по июнь 1814 г. Отдельно следует назвать книгу Ш.П.А. Бургоэна, который описал пребывание в Казани своего брата, французского капитана А.М.Ж. Бургоэна, адъютанта маршала Нея. Это произведение написано в беллетристической форме и содержит много вымысла. Достоверную информацию о плене можно получить, в основном из примечаний¹.

С начала войны Казанская губерния не входила в число мест, запланированных для размещения военнопленных Великой армии, и

использовалась как транзитная. Первые пленные появились здесь в октябре 1812 г. С 9 по 19 октября в Казани останавливалась партия пленных, следующая в Оренбург под командой гвардии штабс-капитана Станкевича в составе одного штаб-, пяти обер-офицеров, 288 нижних чинов. Так как на них была летняя одежда, многие были больны, а один из больных через несколько дней умер. 48 заболевших были оставлены в здешнем военном госпитале, а остальные обмундированы по времени года полушубками, суконными панталонами, сапогами, рукавицами, и, после десятидневного отдыха, отправлены дальше. В течение ноября, по мере выздоровления, оставшие пленные небольшими группами также отправлялись к месту назначения. В трех группах в Оренбург отправились 39 пленных, еще восемь были отосланы туда же из Казанского ордонанс-гауза².

Зимой возникла необходимость остановить передвижения пленных по стране, таким образом Казанская губерния стала местом их пребывания. В январе 1813 г. в Казани насчитывалось 254 пленных, а на 10 февраля в губернии, по донесению гражданского губернатора Мансурова, состояло восемь обер-офицеров (четыре итальянца, два вестфальца, француз и швейцарец) и 414 нижних чинов 16 наций. К этому времени из проживающих в губернии пленных умерло 116 человек, а из проходящих партий – четверо³.

Установить причины смерти большинства пленных не составляет труда – это эпидемические и простудные заболевания. В губернии были приняты серьезные меры в связи с распространением болезней. В январе 1813 г. из профессоров Казанского университета был даже создан комитет «для суждения о мерах пресечения эпидемии гнилой горячки, явившейся последствием... обширной эвакуации больных, раненых и военнопленных». Об эффективности принятых мер говорит то, что за последующие полтора года в больницах губернии скончался всего 21 пленный, в том числе два обер-офицера (итальянцы Н. Ферини и Дж. Бутари)⁴.

В апреле 1813 г. в уездный г. Мамадыш под надзор полиции из Санкт-Петербурга был прислан адъютант генерала Партуно капитан Г. д'Алгэ. В

первой половине июня в Казань из Орла прибыли генерал Жак Буайе (Boye), три штаб-, 14 обер-офицеров, три служителя и одна женщина. В начале июля оттуда же поступили еще 19 штаб- и обер-офицеров. В середине октября 1813 г. через Нижний Новгород проследовала партия, направлявшаяся из Владимира в Казань, в которой находились 23 штаб- и обер-офицера, 10 нижних чинов и одна женщина. Сохранились данные еще о пяти партиях, но ни списков их, ни даже числа пленников не зафиксировано. Так, по распоряжениям Вязмитинова от 11 марта, 17 и 18 апреля, 24 мая и 28 июля 1813 г. сюда на жительство были отправлены пленные соответственно из Вологодской, Курляндской, Могилевской, Лифляндской и Смоленской губерний. О пленных из Вологодской губернии сообщалось, что это штаб- и обер-офицеры. Весной отмечен проход через губернию двух партий поляков, отправляемых в г. Ишим Тобольской губернии: первая из Могилева числом 655 человек по распоряжению Вязмитинова от 11 апреля 1813 г. и вторая из Рязани в числе 23 человек по распоряжению от 15 апреля. Тогда же в апреле из Казани в Ишим были отправлены 27 поляков⁵.

Партия поручика Чудинова из 48 штаб- и обер-офицеров, 107 нижних чинов и одной женщины прошла через Казань в конце августа 1813 г. Четверо нижних чинов остались здесь по болезни, остальные отбыли в Оренбургскую губернию. В этой партии находился будущий мемуарист Вагевир. 20 октября сюда же прибыла партия еще одного мемуариста Белэ, состоящая из одного штаб-, 72 обер-офицеров, 39 нижних чинов. Через день эта партия в сопровождении казанского квартального надзирателя Ильина выступила в Бугульму, оставив по дороге в уездном Лаишеве девять офицеров на жительство⁶.

В сентябре 1813 г. через Казань из Оренбургской губернии в Санкт-Петербург проследовал освобожденный вюртембергский полковник Вальдбург с двумя товарищами по плену⁷.

В газете «Казанские известия» в рубрике «Известия о приехавших в губернский город Казань и выехавших из оногo» в 1813–1814 гг. 27 раз

отмечено появление здесь различных партий в составе от одного до 280 пленных общим числом более 2 022 человека (состав одной партии не указан)⁸. Из них восемь раз фиксируется уход пленных (969 человек), т.е. эти партии были проходящими, в одном случае можно предположить краткосрочное пребывание пленных, так как речь идет о поляках (4 человека), отмечено прибытие на жительство двух партий из Орла (41 человек), о которых сказано выше. В одной из партий, прибывшей в Казанскую губернию, находился француз Фюзейе. В воспоминаниях он упомянул, что во главе партии находился русский сержант, и назвал дату прибытия в Казань: 28 ноября 1813 г. В газете в указанный период сообщалось о прибытии из Нижнего Новгорода унтер-офицера со 190 пленными французами, поэтому можно предположить, что речь здесь идет об одной и той же партии. После прибытия в губернский центр, пленные были распределены по уездным городам Ядрин, Тетюши, Мамадыш, Спасск. Фюзейе попал в Спасск вместе с восьмью другими офицерами и тремя солдатами⁹. В остальных 15 случаях, отмеченных в газете, нельзя с уверенностью сказать, остались ли пришедшие пленные на жительство или были отправлены дальше.

Об освобождении пленных из губернии сведений сохранилось еще меньше. Относительно уверенно можно говорить только о его последнем этапе, когда в отечество были отправлены французы и итальянцы. Фюзейе вспоминал, что известие об освобождении достигло Спасска 6/18 июня, а еще через два дня находящиеся там пленные выехали в Казань, куда прибыли 10/22 июня. Здесь со всей губернии было собрано 480 пленных французов и итальянцев (50 офицеров, 70 унтер-офицеров и 360 солдат). Они были разделены на две партии. Фюзейе попал в первую, в которой, по его словам, состояли один штаб-офицер (начальник батальона Дардель), 29 обер-офицеров и 210 нижних чинов. Сопровождать эту партию был назначен отставной майор Овсянников. По официальным источникам, эта партия насчитывала 35 штаб- и обер-офицеров и 200 нижних чинов, а

сопровождающий Овсянников назван равным гражданским чином коллежского асессора. Таким образом, во второй партии было около 15 офицеров (в том числе, возможно, начальник батальона Дебет) и 230 нижних чинов. Среди отправляемых пленным был находившийся под надзором полиции в Мамадыше и освобожденный по отдельному распоряжению капитан д'Алгэ¹⁰. Очевидно, в начале июля партии выступили в направлении Нижнего Новгорода.

С 13 октября по 19 октября в Казани делала остановку партия, шедшая из Оренбургской губернии и включавшая девять обер-офицеров и 200 солдат. Среди них находился мемуарист Ноказ. В марте 1814 г. в Казань прибыл следующий из Перми в Санкт-Петербург лейтенант Сент-Андрэ. Заболев, он задержался здесь на неопределенный срок. 15 августа того же года Вязмитинов распорядился по выздоровлении указанного пленного немедленно отправить его в столицу. Кроме него, на октябрь того же года в губернских госпиталях числились далматский капитан И. Симонич и девять нижних чинов¹¹.

Не менее 40 военнопленных высказали желание принять подданство России, в том числе генерал Буайе, далматский капитан Симонич, французские лейтенанты Грен и Гресье. Из них было 26 французов, семь итальянцев, три австрийца, пруссак, голландец, поляк, далмат. Фюзейе в мемуарах подтвердил, что к моменту его освобождения в губернии решили остаться два-три офицера и 60 солдат, в основном французов и итальянцев.

Буайе поступил на гражданскую службу, Симонич – на военную, Гресье стал учителем в казанской гимназии, о судьбе Грена ничего не известно. К концу 1814 г. из нижних чинов 20 перешли в мещанское сословие, семеро – в ремесленники, двое – в пахотные солдаты (очевидно, в казачество). Трое находились под судом, двое переехали в Оренбургскую губернию, один – в Тулу, один умер¹².

Вопросом, заслуживающим отдельного внимания, является выделение пленным денежного содержания. Известно, что по распоряжению

Вязмитинова от 29 августа 1812 г., в числе прочих, обер-офицерам полагалось 50 коп. в сутки, майорам – 1 руб., подполковникам и полковникам – 1 руб. 50 коп., генералам – 3 руб. Некоторые офицеры высказывали просьбы о повышении жалования. Так, гвардейские капитаны Било, Шарвень и Лефер просили увеличения содержания на том основании, что в гвардии существовало старшинство в один чин перед армейскими частями. Они высказали губернатору просьбу платить им порционные деньги по полковничьему окладу, т. е. попытались прыгнуть через ступень в оплате, пользуясь и преимуществом в звании и ошибкой в российском законодательстве, связанной с ошибочным преимуществом подполковников перед майорами. Мансуров направил представление в Санкт-Петербург, откуда вскоре пришел отказ¹³.

Другим способом для пленных офицеров получить необходимые суммы было обращение их к услугам банков. Так, например, поступил французский офицер Фердинанд Пьерсон, обратившийся к известному санкт-петербургскому банкиру Раллю и получивший заверения, что его просьба будет исполнена. А лейтенанту Фредерику Барону деньги через банк братьев Ливье перевел из Франции его брат¹⁴.

Для увеличения денежного содержания некоторые военнопленные прибегали к «повышению» себя в звании. Самым именитым пленником, замешанным в возможном обмане, стал французский генерал Ж. Буайе¹⁵. Будучи штабным полковником, он временно носил звание генерала во время службы на о. Сан-Доминго в 1803 г., но утвержден в этом звании не был. В том же году он был взят в плен англичанами и вернулся во Францию лишь в марте 1811 г. Тогда же он был временно отчислен со службы. В марте 1812 г. Буайе получил назначение начальником штаба 12-й пехотной дивизии генерала Партуно, с которой в ноябре 1812 г. вновь попал в плен на р. Березине. Незадолго до этого он был представлен к званию бригадного генерала. Сведений о том, что Наполеон успел подписать это представление, не найдено. Однако Буайе, считая себя, возможно и справедливо,

заслужившим вышестоящее звание (полковником он стал в 1796 г.), в плену называл себя бригадным генералом. Как бы то ни было, в русских документах Буайе числился в этом звании и в 1813–1815 гг. провел часть плена в Казани. В феврале 1815 г. по соответствующему разрешению он уехал в Санкт-Петербург, где в 1827 г. после долгих проволочек поступил на гражданскую службу в чине статского советника (5-й класс Табели о рангах), т. е. его генеральское звание фактически не было подтверждено российскими властями.

В НАРТ сохранились оригиналы писем, которые открывают некоторые подробности биографии Буайе. Известно, что после возвращения из английского плена во Францию он женился. Оказавшись в плену в Казани и поселившись в доме Л.В. Толстого, он взял в жены его крепостную, став, таким образом, двоеженцем. Пленные могли вести подконтрольную переписку с родиной, поэтому из Франции в Россию поступала корреспонденция, в том числе на адрес Буайе. Отправителем минимум двух писем, датированных октябрём и ноябрём 1813 г. и адресованных в Орел, а потом пересланных в Казань, была мадам Ефросэн Буайе, судя по тексту, его законная жена.

В первом письме она пишет, что долго не имея вестей от мужа, она обратилась за помощью к мадам Партуно. Связавшись с генералом Партуно, проводившим плен в Санкт-Петербурге, она в августе получила от него письмо, из которого узнала, что Буайе жив и также находится в плену. Через генерала она написала мужу, но не получила ответа. Две главные темы письма – страдания несчастной жены и сведения об их 19-месячной дочери Элизе, которая очень похожа на отца, нежна к матери и является единственной нитью, связующей бедную женщину с жизнью. Действительно, нельзя остаться равнодушным, читая, как маленькая Элиза играет с пером и бумагой, лепечет, что пишет письмо папе и просит, чтобы он прислал ей конфеты, потому что она миленькая, послушная и бедная крошка. Далее жена вновь пишет о своей ужасной тоске и хлопотах с дочкой, которая ждет

папу домой, любит его всем сердцем и хочет его обнять. Во втором письме Ефросэн Буайе опять говорит о расстроенных чувствах жены и дочери, которые терпеливо ждут письма от отца.

Неизвестно, почему эти письма остались в канцелярии гражданского губернатора, несмотря на то, что Буайе находился в Казани. Можно предположить, что французский брак Буайе был неудачен, как и карьера, поэтому он не хотел возвращаться ни во Францию вообще, ни к законной жене в частности. Возможно, это понимала и сама мадам Буайе, стараясь в письмах сыграть в первую очередь на любви к дочери. Но несложно подсчитать, что девочка родилась в марте 1812 г., когда Буайе был призван на службу, и отцовские чувства, судя по всему, у него не сформировались. Скорее всего, он не только не отвечал на письма, но и не хотел даже их читать. Однако мадам Буайе не теряла надежды. В июне 1816 г. она обратилась за помощью в розысках мужа, о котором не имела никаких известий, к командиру Оккупационного корпуса во Франции генерал-адъютанту М.С. Воронцову, а тот отправил соответствующий запрос в Санкт-Петербург. В итоге Буайе все же решился на поездку во Францию, но уже после принятия российского подданства. В 1822 г. ему было разрешено отправиться за границу для устройства своих домашних дел. К этому времени в России у него уже были дети¹⁶. Вопрос же о чине Буайе во французской армии до сих пор остается открытым.

Много хороших слов со стороны пленных было сказано в адрес казанского гражданского губернатора Б.А. Мансурова. Фюзейе, проходя через Казань, отметил, что тот «оказался татаринном, весьма расположенным к французам». Бургоэн отмечал, что губернатор был полон забот о пленных, и его доброта решила их судьбу. Его дом был открыт всем пленным офицерам, и им там никогда не напоминали об их положении. Эта деликатная благосклонность успокаивала пленных, не унижая их. После освобождения французы увезли незабываемые воспоминания о приеме, который они получили в этом городе. По словам автора, они шли в Россию

на войну, а нашли друзей и утешение в беде. Ноказ прибыл в Казань 13/25 октября 1814 г., в день смерти губернатора, который, по отзывам живших здесь пленных, был очень достойным человеком и сделал много хорошего французским офицерам¹⁷.

Как писал Фюзейе, по прибытии пленных в уездный Спасск, они были поселены на краю города, в самом бедном квартале. В дома, где их разместили, дважды в день сходились на кормежку свиньи, куры и коровы. В этих хижинах пленные страдали от невыносимой жары и зловония. Свиньи и поросята спали вперемешку с ними на полу в комнате, а куры – под печкой. Между тем хозяева-крепостные производили впечатление вполне человеколюбивых людей. Они все время повторяли, что пленных должны расселить в лучших жилищах. Пленные долго ожидали отсутствующего городничего, чтобы улучшить свои жилищные условия и за это время познакомились с уездным исправником, отставным полковником. Тот пригласил их в гости и хорошо угостил рыбными пирогами и водкой. Вскоре офицеров зазвал к себе командир гарнизона, познакомивший французов со своим зятем, дворянином Глазатовым. Как только местные дворяне прослышали о том, что пленные побывали у исправника, коменданта крепости и у Глазатова, они принялись наперебой приглашать их к себе в гости. Всякий раз французов заставляли отведать множество блюд и спиртных напитков. Их несколько смутила русская традиция пить спиртное из одной посуды. Через две недели прибыл городничий, который встретил пленных неплохо, хотя холодно. Не понимая по-французски, он все же догадался, чего от него хотят, и позвал десятника, приказав ему выделить лучшие комнаты. Десятник ответил, что французы и так живут в хороших комнатах, после чего городничий схватил его за бороду и избил на глазах французов. Окровавленный десятник отвел пленным три новые комнаты, не намного отличавшиеся от предыдущих. Жалея его, офицеры не пошли вновь жаловаться, а сняли несколько хороших комнат за свой счет. Готовили им их же солдаты, бывшие денщиками у трех офицеров¹⁸.

По циркулярному предписанию Вязмитинова от 14 января 1813 г. разрешалось употреблять пленных солдат для облегчения их содержания на различные простые работы¹⁹. Таким образом, был легализован физический и интеллектуальный труд военнопленных, который уже применялся как местными властями, так и частными лицами, в первую очередь дворянами. Самыми уважаемыми и самыми востребованными пленными были врачи. Недостаток медиков ощущался особенно остро за пределами губернских городов, поэтому появление здесь относительно большого количества квалифицированных специалистов вызвал к ним пристальное внимание как со стороны властей, так и местных жителей.

Фюзейе вспоминал, что спасский врач принял их хорошо, показал свою библиотеку, где были несколько трудов по медицине, написанные на латинском языке, но когда француз попросил их почитать, тот грубо отказал. После этого случая Фюзейе принял решение лечить всех нуждающихся бесплатно. После того как были вылечены несколько больных, страдающих офтальмией и язвой, французский врач приобрел столь широкую известность, что к нему начали приезжать больные не только из Казанской, но и из соседней Симбирской губернии. По воскресеньям приток больных был так велик, что до полудня у Фюзейе не было времени, чтобы позавтракать. Каждый день, с пяти утра до восьми вечера, он делал перевязки, потом выписывал рецепты для отправки их в Казань, потому что ближе фармацевта не было. Городничий не позволял пленному удаляться на большие расстояния, но ему все же удавалось уезжать иной раз за 25–30 лье, в таких случаях за ним высылали экипаж или кого-нибудь верхом на лошади. Но позже городничий стал менее строг и закрывал глаза на эти отлучки, так как по его просьбе хирург вылечил его сына, который чуть было не потерял зрение.

К этому времени Фюзейе начал понемногу избавляться от нищеты. Несмотря на его твердое намерение не брать никакой платы за лечение, крестьяне несли ему яйца, масло, мед, уток, гусей, кур, которыми он делился

с товарищами по плену. Мещане приносили холст, муку и т. п., а дворяне платили деньги. Фюзейе ничего не хотел брать, но помещики советовали ему не отказываться от подношений, так как люди были недовольны отказами, полагая, что врач не хочет их лечить.

Пленные офицеры жили неразлучно, всегда и везде появляясь вместе. За это их уважали и крепостные, и мещане, и при встрече с ними почтительно кланялись. Дворяне не раз приглашали их в свое общество. Фюзейе постоянно звал к себе хозяин винного склада, который часто болел. Поскольку он получал московские газеты, то заодно предлагал почитать их. Если француз что-то недопонимал, он терпеливо разъяснял. В этом доме его всегда хорошо принимали. Как только приходили газеты, за ним посылали сани или дрожки, если было очень холодно, слуга приносил их к Фюзейе домой. Помещики из соседних деревень тоже приглашали француза к себе. Здешние жители никогда не слышали имени Дезире, и по их просьбе Фюзейе согласился зваться Иваном Ивановичем, все знали его под этим именем.

Получив известие о возвращении домой, Фюзейе от лица пленных поблагодарил городничего за заботу и внимание и просил передать всем жителям, что пленные будут вечно признательны им за уважение, с которым с ними обходились. Вечером пленные устроили праздник по случаю освобождения, на который сбежались посмотреть как горожане, так и жители окрестных деревень. Французы изготовили жженку, накрыли стол посреди двора и водили вокруг него хороводы, распевая и крича: «Да здравствует Франция! Да здравствует Россия!». К офицерам присоединились дворяне, а обыватели заполнили соседние крыши. Пленные пели песни своей родины, а дворяне их всячески подбадривали. Хозяин винного склада отозвал Фюзейе в сторону и еще раз предложил остаться, на что тот ответил: «Как вы можете мне это предлагать, видя, с какой радостью мы возвращаемся к нашим семьям?». На следующий день огромная толпа сбежалась посмотреть на их отъезд.

В одной из деревень по дороге в Казань произошел конфликт пленных с крестьянкой. Французы купили у нее молоко и просили дать кувшин из-под него, обещая вернуть после обеда. Та отказала, мотивируя это тем, что французы не являются обычными людьми, так как они курят и с ними находятся собаки. Пришлось купить и кувшин. Поев, пленные стали звать крестьянку, предлагая отдать ей кувшин, но когда та прибежала за ним, один из французов бросил его на землю и разбил.

Прибытие пленных в Казань совпало с получением здесь известий о заключении мира. Губернаторский сад украсили иллюминацией. В павильоне был дан великолепный концерт. Уже с утра орудийные залпы возвестили о начале празднества. Мир славили и в Кремле, и в церкви Казанской Божьей матери. Был приглашен местный гарнизон. Весь город сиял огнями. Губернатор дал обед воинским частям, командирскому составу и первым лицам города. Повсюду раздавались крики: «Париж взят!», «Париж пропал!» По словам Фюзейе, в Спаске им ни разу не довелось испытать столь неприятных впечатлений²⁰.

Капитан Вагевир проездом был в Казани с 20 августа по 30 августа 1813 г. Его поселили в доме бедной женщины, которая, по словам автора, не имела ничего, кроме голых стен и пауков. Голландец побывал на немецкоязычной службе в лютеранской церкви, а вскоре познакомился с сапожником-немцем, который угостил его водкой и починил ботинки, отказавшись взять за это деньги. На следующий день новый приятель повел Вагевира на одну из городских площадей, где проходило наказание фальшивомонетчиков. Сначала тех били кнутом, а потом выжгли на лбу и щеках клейма и объявили о пожизненной высылке в Сибирь. Это произвело на мемуариста определенное впечатление, и он заключил, что русские все же остаются варварами, несмотря на то что добрый император Александр старается искоренить эти жестокие традиции. При возвращении домой Вагевир вновь останавливался здесь со 2 по 4 июля 1814. Он снова посетил

сапожника, застав того в добром здравии, и с удовольствием провел время в кругу его семьи²¹.

Су-лейтенант Белэ останавливался в Казани с 20 октября по 22 октября 1813 г. Он осмотрел город, оставив о нем прекрасное впечатление, и посетил, в числе прочих офицеров, генерала Буайе, который выдал некоторым, в том числе Белэ, патенты на очередное воинское звание за отличие на поле боя. На следующий день после этого визита генерал Буайе пригласил офицеров на ужин и оказал им великолепный прием²².

Капитан Ноказ на пути домой прибыл в Казань 13/25 октября 1814 г. Здесь он познакомился с семьей французского эмигранта графа Бесобра (Beausobre), который хорошо встретил своего земляка и предложил остановиться у него. Графиня также была очень любезна. Один из вечеров Ноказ провел у генерала Буайе, отметив, что тот оставался в России и хотел вступить в русскую службу. Мемуарист встретил в Казани еще несколько французов, которые оставались здесь в качестве учителей или прислуги. 20 октября он продолжил свой путь²³.

Примечательно, что мемуары Ноказа, вышедшие в Париже, не остались незамеченными в Казани. Критически на эту книгу отозвались «Казанские известия», опубликовав несколько выдержек из нее, в которых мемуарист некорректно высказывался в адрес провинциального русского общества. Мемуары вышли анонимно и автор заметки не мог упрекнуть в насмешках конкретного французского офицера, поэтому он закончил аннотацию напоминанием той истины, что право злословить предоставлено слабейшему²⁴.

При отправлении французов на родину имели место отдельные происшествия, связанные с низкой дисциплиной пленных. Согласно донесению Нижегородского губернатора Вязмитинову от 16 июля 1814 г., в партии, выступившей из Казани под руководством коллежского асессора Овсянникова и насчитывавшей 35 офицеров и 200 нижних чинов, при следовании через Нижегородскую губернию происходили от нижних чинов

беспорядки, своеволие и неповиновение начальнику партии. Причиной этого стало то, что от Овсянникова зависело только довольствие пленных пищей и порционными деньгами. Следить за порядком в партии казанским губернатором был назначен подполковник (начальник батальона) Дардель, который со своими обязанностями не справился. Овсянников вынужден был просить у нижегородского губернатора гарнизонных солдат для сопровождения, но у того свободных людей не было и он рекомендовал просить конвой в следующей на пути Владимирской губернии. 4 августа Вязмитинов сделал казанскому губернатору замечание и, хотя наличие конвоя не оговаривалось в распоряжении об освобождении пленных от 13 мая 1814 г., предписал впредь отправлять партии только с конвоем, о чем были извещены и другие губернаторы его распоряжением от 7 августа.

Следовавший в этой партии Фюзейе также вспоминал о низкой дисциплине среди солдат и описал случай, произошедший при вступлении партии во Владимирскую губернию и чуть было не приведший к гибели пленных. Один сержант-артиллерист, заядлый курильщик, проходя по деревне, находившейся в стороне от дороги, вздумал зайти в дом, чтобы попросить огня. Хозяев дома не было. Он постучал в дверь, но дети, напуганные стуком, не осмелились ее открыть. Разгневанный сержант ворвался в дом и ударил палкой по голове одного мальчика. Тот упал наземь. Сержант сбежал, вернулся в отряд, который уже встал на постой, и тоже был определен на жительство.

Тем временем родители раненого ребенка, возвратившись домой, увидели, что их дитя едва живо. Братья мальчика рассказали, что его избili французы. Жители деревни, узнав о случившемся, вооружились палками и устремились к стоянке французов, прихватив с собой ребенка, который не подавал признаков жизни. Местный священник приказал бить в набат, на который начали сбегаться жители соседних деревень. Люди были готовы на все. Положение становилось отчаянным, и Овсянников, пытавшийся успокоить толпу, вызвал к себе Фюзейе, единственного из французов,

который мог говорить по-русски. Перепуганные солдаты уже готовились прятаться в соседнем лесу. Необходимо было срочно наказать виновного, но выявить его в тот же миг было невозможно.

Овсянников попросил хирурга перевязать больного. Вскоре ребенку стало лучше, что успокоило его родителей. Теменная кость оказалась слегка вдавленной, но перелома не было. Когда Фюзейе сделал ему перевязку, крестьяне начали успокаиваться. Дардель дал отцу ребенка пять рублей. Овсянников сказал крестьянам, что с подполковником и хирургом займется поисками и наказанием виновного. Он всячески старался их утихомирить, а Фюзейе со своей стороны успокоил относительно состояния больного и пообещал, что специально задержится на день, чтобы оказать ему необходимую помощь. Набат затих, тревога улеглась. Но беспокойство не покидало пленных всю ночь и весь следующий день. С восходом солнца они покинули деревню, где чуть было не обрели свою могилу²⁵.

Военнопленные Великой армии оставили о себе в России и у себя о России неоднозначные впечатления. Хотелось бы завершить нашу работу одним из них. В 1813 г. один казанский острослов сочинил следующее четверостишье:

Как в нынешню войну
Успехи переменны:
У Россов Галлы в полону,
А с ими Россиянки пленны!!!²⁶

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Wagevier C.J.* Aanteekeningen gehouden gedurende mijnen marsch naar, gevangenschap in en torugreize nit Russland in 1812, 1813, 1814. Amsterdam, 1820; *Belay H.* Mémoires d'un grenadier de la Grande Armée. P., 1907; [*Naucase*] Voyage d'un officier francais, prisonnier en Russie, sur les frontieres de cet empire, du cote de l'Asie. P., 1817; *Fuzellier D.* Journal de captivite en Russie, 1813–1814. Boulogne, 1991; *Bourgoing P.* Le prisonnier en Russie. P., 1815. Сокращенный перевод мемуаров Фюзейе см.: *Фюзейе Д.* Дневник русского плена, 1813–1814 гг. // Лепта. 1992. № 3. С. 152–165. Кроме того, в издательстве «Крига» (Санкт-Петербург) готовится к выходу сборник мемуаров военнопленных, среди которых есть О. Белэ.

² Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3673. Л. 77 об, 264–265 об, 309.

³ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 656. Ч. 1. Л. 211–214; Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 71, Л. 5–9; *Загоскин Н.П.* История Императорского Казанского университета за первые 100 лет его существования. Казань, 1902. Т. 1. С. 406.

⁴ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 777. Л. 341 об.; *Загоскин Н.П.* Указ. соч. С. 406–407.

⁵ ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 189. Л. 9–11; НАРТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. Л. 170, 171, 271, 276, 290, 292, 294, 349, 541; Центральный архив Нижегородской области. Ф. 2. Оп. 4. Д. 170. Л. 233; ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3673. Л. 601; Казанские известия. 1813. № 24, 27.

⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3673. Л. 711 об, 729, 797; *Wagevier C.J.* Op. cit. S. 107; *Belay H.* Op. cit. P. 123.

⁷ Казан. известия. 1813. № 36.

⁸ Там же. 1813. № 23, 24, 27, 31, 33–36, 38, 39, 41–45, 48; 1814. № 3, 8, 9, 13, 16, 19, 20.

⁹ *Fuzellier D.* Op. cit. P. 166, 168; Казан. известия. 1813. № 48.

¹⁰ НАРТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 268, 425–426 об; *Fuzellier D.* Op. cit. P. 193–194.

¹¹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 777. Л. 341 об; НАРТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 449; Казан. известия. 1814. № 13; [*Naucase*]. Op. cit. P. 202, 204.

¹² ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 3. Д. 8. Л. 1 об; РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 776; НАРТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 285, 372, 448; Ф. 27. Оп. 10. Д. 2. Л. 14; *Fuzellier D.* Op. cit. P. 193.

¹³ НАРТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 709; Д. 12. Л. 702; Д. 13. Л. 191.

¹⁴ Там же. Л. 133а, 209.

¹⁵ Подробнее о нем см.: *Бессонов В.А., Попов А.И.* «Временный генерал» Ж. Бойе // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. М., 2001. С. 20–29.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 188. Л. 1–19, 35 об., 47 об; НАРТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. Л. 857–860 об; Д. 13. С. 285, 448.

- ¹⁷ *Fuzellier D.* Op. cit. P. 166; *Bourgoing P.* Op. cit. P. 184–185, 275; [*Naucase*]. Op. cit. P. 203.
- ¹⁸ *Fuzellier D.* Op. cit. P. 176–177, 180–182.
- ¹⁹ НАРТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. Л. 61.
- ²⁰ *Fuzellier D.* Op. cit. P. 183–185, 187–189, 192–193, 197.
- ²¹ *Wagevier C.J.* Op. cit. S. 107–114, 159–160.
- ²² *Belay H.* Op. cit. P. 122–123.
- ²³ [*Naucase*]. Op. cit. P. 202–204.
- ²⁴ Казан. известия. 1818. № 61.
- ²⁵ НАРТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 425–426об, 434; *Fuzellier D.* Op. cit. P. 199–200.
- ²⁶ Казан. известия. 1813. № 30.